

РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРОШЛОГО В МЕЖДУНАРОДНЫХ ПУБЛИЧНЫХ ПРОСТРАНСТВАХ: ПРАКТИКИ И ГРАНИЦЫ МЕМОРИАЛЬНОЙ ДИПЛОМАТИИ

О.С. Нагорная

Аннотация. В статье анализируется феномен интернационализации памяти и специфика бытования репрезентаций прошлого в международных публичных пространствах современности. Под интернационализацией памяти понимается распространение коммеморативных процессов за пределы границ национальных сообществ в условиях проницаемости этих границ для мемориальных влияний извне. На примере усилий мемориальной дипломатии разных стран автор выявляет специфику международных дискуссий о прошлом, конфликтный и консенсусный потенциал отдельных символических посланий и инструментов их трансляции. Автор приходит к выводу, что в отличие от национальных нарративов, облеченных в достаточно размытые формулировки, в международных публичных пространствах используются более точные юридические термины и категории, хотя разность их трактовки и традиций правоприменения содержит в себе значительный конфликтный потенциал.

Ключевые слова: мемориальная дипломатия, мемориальные пространства, коммеморативные практики, национальные нарративы, глобализация, геноцид, извинения.

Нагорная Оксана Сергеевна, доктор исторических наук, профессор, Исторический факультет, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 150000, Россия, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108/1, nagornaja.oxana@mail.ru.

REPRESENTATIONS OF THE PAST IN THE INTERNATIONAL PUBLIC SPACES: PRACTICES AND LIMITATIONS OF MEMORIAL DIPLOMACY

O.S. Nagornaia

Abstract. The article investigates the questions of how strong the cultural memory is presented in the international or intercultural spaces and how specific representations of the past are presented in memorial diplomacy. As demonstrated, the emergence of consensual interpretive patterns for two or more national communities can be complicated by the difference in national narratives, in history policy, and in commemorative practices. In contrast to the national traditions of remembering the transnational communication is based to a larger extent on precise legal concepts than on historical descriptions. The habitual honoring the past in monuments also applies to the international public spaces, but it does not always lead to the desired effects. Instead of it, this habit leads to the trivialization of traumatic experiences, to the reinterpretation of memory images with the monument's demolition, and to possible diplomatic conflicts. The author comes to the conclusion that, in contrast to national narratives, clothed in rather vague formulations, more precise legal terms and categories are used in international public spaces, although the difference in their interpretation and enforcement traditions contains significant conflicting potential.

Keywords: memorial diplomacy, memorial spaces, commemorative practices, national narratives, globalization, genocide, apologies.

Публичные пространства бытования исторической памяти в современном мире претерпевают значимую трансформацию, которая настоятельно требует теоретического осмысления в рамках междисциплинарного подхода. В роли ключевых факторов изменений выступают глобализация и масштабные миграционные потоки. Исследователи отмечают, что потребность интеграции в социумы носителей чуждых исторических нарративов приводит как минимум к угрозе в адрес устойчивых структур национальной идентичности вплоть до их постепенного размывания [Юрайт, 2014; Ассман, 2017]. В свою очередь цифровизация исторических репрезентаций, их перемещение в виртуальные пространства и бытование в качестве контента, созданного пользователями, ставят под вопрос действенность традиционных инструментов формирования общественного консенсуса о прошлом. На сегодняшний день поддержание структур идентичности перестало быть монопольной задачей профессиональных историков — экспертные нарративы утратили свою значимость вместе с национально-государственными повествованиями. Широкое распространение внеакадемических версий истории, особенно зашифрованных в продуктах массовой культуры, популярность их носителей свидетельствует о растущем разрыве между исторической наукой с ее «высоким языком» и потребностями просветительской работы среди интересующихся историей обывателей. Примечательно, что несмотря на огромное количество научных публикаций по истории национал-социализма, импульсами для общественных дискуссий о преступниках и жертвах Второй мировой войны в Германии чаще выступают телесериалы («Холокост» (1979), «Наши матери, наши отцы» (2013)).

Безусловно, новой чертой в этом процессе развития мемориальных пространств и практик является их интернационализация — распространение за пределы границ национальных сообществ и наоборот проницаемость этих границ для мемориальных влияний извне. Несмотря на достаточное количество публикаций в сфере изучения памяти, ее вненациональное измерение до сих пор слабо концептуализировано. Следует подчеркнуть, что теоретические конструкции М. Хальбвакса, Я. Ассмана, П. Нора, М. Хирш, которые сегодня вошли в разряд общего знания для любого историка, концентрируются на социальных группах либо на нациях. Эти аналитические модели не могут без определенных оговорок перелagаться на пространства межнациональной и транснациональной коммуникации. Об этом свидетельствуют недавние исследования. Так, Алейда Ассман, описывая феномен глобализации памяти о Холокосте, демонстрирует специфичность механизмов коммеморации на международном уровне [Ассман, 2017]. Автор констатирует, что мнемонические инициативы в межнациональных пространствах могут выдвигать отнюдь не ключевые носители травматического опыта: импульс глобального консенсуса о Холокосте исходил не от Израиля или Германии, а от Швеции. Напротив, страны, для которых «работа над прошлым» могла превратиться в важный символический капитал в рамках европейской интеграции — Польша и Венгрия — сопротивляются принятию сформированных на международном уровне канонov.

Отдельные международные эффекты процессов национальной работы над прошлым анализируются в исследованиях А.И. Миллера, описывающего прежде всего

«войны памяти» в мемориальных пространствах постсоциалистических государств Восточной Европы. Ученый подчеркивает, что манипулирование прошлым со стороны «политических антрепренеров», в том числе с использованием таких средств как троллинг, привело к «секьюритизации памяти», то есть возведению ее в ранг объектов национальной безопасности. Важно, по мнению автора, что подобные тенденции среди новых стран Евросоюза меняют акценты «работы над прошлым». Признание собственной ответственности за преступления, к примеру, за коллаборационизм во Второй мировой войне и Холокост, которые были характерны для «старых» стран ЕС, меняется на экспорт вины – представление себя в качестве двойных (или тройных) жертв [Миллер, 2015; Миллер, 2016].

Представляется, что помимо теоретического осмысления феномена интернационализации памяти необходимы дальнейшие прикладные исследования, описывающие конкретные публичные пространства и механизмы репрезентации в них образов прошлого. Под международными публичными пространствами памяти в данной статье понимаются физические места (мемориалы, ведомственные резиденции) и символические рамки (церемониалы, медиа), в которых значимые по своему статусу лица (политические, общественные и культурные деятели) или институции в вербальной и образной форме транслируют интерпретации прошлого. Продуктивным практикоориентированным термином исследования выступает понятие мемориальной дипломатии, которую можно определить как усилия государственных и общественных организаций по использованию совместной исторической памяти в целях управления межнациональными отношениями. В условиях кризиса средств традиционной кабинетной дипломатии мемориальная дипломатия может выступить одним из важных инструментов мягкой силы. Ее потенциал заключается в возможности использования и положительно, и отрицательно коннотированных «мест памяти» – то есть и памяти-победы, и памяти-травмы. Не претендуя на окончательные оценки, данная статья является попыткой очертить круг возможных исследовательских вопросов при изучении феномена памяти в его интернациональном измерении и приглашением коллег к дальнейшим дискуссиям.

На сегодняшний день наиболее яркий пример позитивных эффектов от использования образа травматического прошлого в международной среде – акт колена-преклонения канцлера ФРГ Вилли Брандта в 1970 г. в ходе государственного визита в Польшу перед памятником в Варшавском гетто. Несмотря на критическое отношение к этому жесту в консервативных кругах самой Западной Германии, он, безусловно, превратился в глобальное медийное событие и привел к позитивным внешнеполитическим и экономическим последствиям: улучшению взаимоотношений с социалистическим лагерем и заключению германо-польского договора о дружбе и сотрудничестве. Интересен здесь и отложенный мемориальный эффект – установка в Варшаве памятника самому Брандту в 2000 г. Мы видим, как инструмент трансформации памяти сам становится частью памяти, выступая одновременно и посланием, адресованным внутренней аудитории, и выносом национальных саморепрезентаций в международную среду.

В современных условиях формирование мемориальных пространств и практик вне границ национальных сообществ обладает и конфликтным потенциалом. Это наглядно демонстрирует скандал, разразившийся в марте 2019 г. между Польшей и Израилем. Одно лишь заявление израильского премьера о том, что «поляки сотрудничали с немцами», привело к отмене государственного визита главы польского кабинета в Израиль. Хотя канцелярия премьер-министра Израиля сразу же опубликовала заявление о том, что «Нетаньяху говорил о поляках, а не о польском народе или Польше как стране», позиция Варшавы осталась категоричной. В официальной ноте подчеркивалось: «Премьер-министр Матеуш Моравецкий очень принципиально относится к вопросу обвинения польского государства, польского народа в действиях, которые **мы** (выделено мной – *О.Н.*) не совершали во время Второй мировой войны» [цит. по: Премьер Польши..., 2019]. Здесь примечательна, во-первых, разница в используемых коммеморативными сообществами трактовок: для израильского премьера возложение ответственности за преступления прошлого на отдельных (конкретных) представителей нации является приемлемым и желательным способом общественной дискуссии, для польского лидера, напротив, подобный подход становится провокацией. Вероятно, это можно объяснить отраженной в цитате идентификацией современных польских элит с действующими лицами предшествующих эпох (за исключением периодов второй половины XX в.). Она подразумевает автоматический перенос в международную сферу принятых в современной Польше толкований Холокоста и Второй мировой войны без рефлексии о том, что другие национальные сообщества эти каноны не разделяют.

Амбивалентным по своим результатам стал испанский вариант исправления дискриминационной политики прошлого – дарование гражданства потомкам евреев, изгнанных из страны эдиктом 1492 г. Признание страданий жертв этого выселения в международной среде, по мнению экспертов, было нацелено не только на улучшение общего имиджа страны и укрепление сотрудничества с Израилем, но и на экономические эффекты – привлечение инвестиций вновь обретенных граждан в кризисный рынок недвижимости [Kern, 2012]. Прогнозируемым, но, видимо, не принятым во внимание последствием стали требования со стороны потомков мусульман, изгнанных из страны в тот же период, о включении их в обозначенную категорию «жертв».

Об отсутствии в испанских примерах толкования представлений об универсальности компенсационных мер за дискриминационное прошлое, применяемых ко всем пространствам межнациональных контактов и этносам, свидетельствует и дипломатическая пикировка с Мексикой. Президент этой латиноамериканской страны в преддверии крупных юбилеев 2021 г. призвал Испанию и Ватикан во имя глобального примирения принести извинения за действия конкистадоров. Мадрид отказался поддержать данное требование, сославшись на невозможность оценивать столь отдаленное прошлое из современных представлений [Гуща, 2019]. В общем внеевропейском контексте и само заявление, и реакция на него свидетельствуют в том числе о перспективах хронологического углубления международных коммеморативных дискуссий и их выход за пределы истории «экстремального столетия» (Э. Хобсбаум).

Важной особенностью функционирования интернациональных мемориальных пространств в современном мире является заимствование терминов и логики юридических дискурсов, которые в национальных вариациях имеют меньшую значимость и часто замещаются патриотическими лозунгами. Правовая лексика, судебные дела и судебные инстанции становятся здесь неотъемлемой составляющей процесса выработки или отторжения актуальных интерпретаций. К примеру, частью и без того сложной работы над прошлым в случае советско- (российско-) польского сотрудничества по меморизации Катынской трагедии стала юридическая разработка кейса. Попытка переноса дебатов о прошлом из абстрактных категорий в плоскость точных и значимых по своим последствиям формулировок привела к политической инструментализации юридических практик: в 2004 г. был озвучен отказ российских судебных органов от уголовного преследования исполнителей расстрела со ссылкой на УК СССР 1936 г. — прокуратура прекратила дело за смертью виновных, по сути так и не разгласив их имена [Яжборовская, 2011]. В свою очередь это спровоцировало иски родственников погибших из Польши в Европейский суд на нарушение процессуальных норм в РФ по правам человека, который в 2012 г. частично признал постановку вопроса о нарушении правомерной. Временной промежуток, отделяющий совершенное в прошлом преступление от современности, позволяет мнемоническим акторам использовать разные темпоральные плоскости и широкий спектр концептуальных подходов от установленной в римской традиции аксиомы «закон обратной силы не имеет» до понятия «переходной юстиции» (transitional justice), апробированного, например, в рамках союзнической политики денацификации.

Стремление уйти в международных отношениях от размытых формулировок теории памяти в более операционализируемую сферу юриспруденции выражается в постоянном использовании терминов «извинения», «геноцид», «признание геноцида». Связаны они с Конвенцией ООН о предупреждении геноцида 1948 г. [Конвенция о предупреждении, 1948], создающей правовые рамки для межгосударственной коммуникации и трансляции толкований прошлого на международную общественность. Современное состояние норм международного права предполагает в числе прочего материальные компенсации жертвам, реституцию или восстановление разрушенных объектов [Основные принципы..., 2005]. Сквозь призму юридического дискурса, не исключая стремления сохранить память о трагедии, так выглядят, например, настойчивые требования Армении признать в качестве геноцида события 1915 г. и отказ Турции это сделать, а также стремление Украины обозначить в качестве геноцида голодомор 1930-х гг. В случае России мы видим примечательную смену интерпретаций «полезного прошлого»: если в 1990-х–начале 2000-х гг. судебные процессы в Германии над нацистскими преступниками, признание геноцида евреев и выплаты компенсаций оценивались в научных публикациях как некий идеальный тип работы над прошлым [Борозняк, 1999], то попытки перевода советской истории в правовую плоскость, например в Латвии, и иски к бывшим гражданам СССР трактуются ныне как проявление актуальной антироссийской политики [Суд в Литве..., 2019].

Несмотря на виртуализацию публичных пространств, привычные материальные воплощения образов прошлого в виде памятников остаются излюбленным средством

поддержания воображаемых национальных сообществ. Столь же рьяно они переносятся в международные публичные пространства. Например, массовое создание памятников стало одной из примет столетия начала Первой мировой войны: целью создания интернационального мемориала «Хартмансвайлеркопф» было провозглашено символическое воплощение примирения двух бывших заклятых врагов — Германии и Франции [Gedenkstaette Hartmannsweilerkopf, 2014]. Как подчеркивают в своих исследованиях Э.И. Кустова и К.А. Пахалюк, значительную активность в преддверии юбилея проявил и МИД РФ, установивший ряд мемориальных объектов во Франции в местах действия Русского экспедиционного корпуса [Koustova, 2014; Пахалюк, 2017]. Через оформление памятных мест за границей российские власти старались подчеркнуть вклад дореволюционной армии в союзнические усилия и тем самым в победу Антанты. В символических посланиях, распространяемых на зарубежную аудиторию, постулировались современные интерпретации итогов Первой мировой войны для России как «утраченной победы».

Однако следует учитывать, что в интернациональных публичных пространствах мемориалы сохраняют ту символическую нагрузку, которую вкладывают в них создатели, лишь в момент возведения и открытия. Установление символических воплощений собственных интерпретаций прошлого в чуждом мемориальном пространстве требует учитывать важные моменты. Во-первых, мы наблюдаем девальвацию мемориальных посланий и багателизацию травмы в тот момент, когда памятники превращаются в объект туристического паломничества. Данные трансформации, ярчайшим проявлением которых стали селфи-практики на фоне Берлинского мемориала убиенным евреям Европы и мемориала «Туфли на набережной Дуная» в Будапеште, уже стали предметом творческого осуждения носителей культуры разных стран. Во-вторых, мемориалы используются как символическая цель протестных акций, включающих и перетолкование, и разрушение существующих форм памяти. Например, в постсоциалистическом пространстве в объекты протеста против господствующих форм памяти превратились памятники советским солдатам Второй мировой войны, а также советским вождям. В этих условиях провоцируются новые конфликты, причем не только символического, но и традиционного дипломатического характера.

В-третьих, разность национальных нарративов, запечатленная в мемориалах, может выступить в качестве препятствия для продвижения позитивного имиджа страны за границей. Негативную реакцию европейской общественности в феврале 2015 г. вызвало посещение Президентом РФ будапештского памятника советским военнослужащим, павшим во время трагических венгерских событий 1956 г. Если в российской прессе это оценивалось как логичное продолжение существующей мемориальной традиции, выраженной в том числе памятником Черный тюльпан в Екатеринбурге, то зарубежная пресса оценивала это как очередное свидетельство антидемократического мышления глав России и Венгрии и попытки переозначивания истории [Нагорная, 2017]. Еще одним показательным примером является относительно недавняя инициатива чешской стороны по установлению памятных знаков в российских городах, где в период Гражданской войны действовал чехословацкий легион [Гужев,

2017]. Незавершенность дискуссий по поводу событий прошлого в российском обществе спровоцировала отторжение предложенных чешской стороной интерпретаций и препятствовала реализации гуманитарной по своей сути акции. Тот же сценарий, к сожалению, мы наблюдаем и в развитии недавнего конфликта между Россией и Чехией в связи со сносом памятника советскому маршалу И. Коневу в Праге. Если чешская сторона помещает деятельность Конева в широкий контекст истории второй половины XX в., включая такие трагические страницы общеевропейской и национальной истории, как строительство Берлинской стены в 1961 г. и Пражскую весну 1968 г., то российские политические и общественные деятели выстраивают свою аргументацию на национальном нарративе о роли СССР в освобождении стран Восточной Европы от нацизма и в сохранении их культурно-исторического наследия. При этом негативный символический капитал международного конфликта используется обеими сторонами прежде всего для духовной мобилизации собственного населения и укрепления структур господствующего дискурса.

Таким образом, в современных условиях мемориальная дипломатия может провоцировать весьма амбивалентные реакции потенциальных целевых аудиторий. Создание консенсусных толкований прошлого для двух или нескольких национальных сообществ осложняется разностью традиций исторической политики и практик коммеморации. В отличие от национальных нарративов, облеченных в достаточно размытые формулировки, в международных публичных пространствах используются более точные юридические термины и категории, хотя разность их трактовки и традиций правоприменения содержит в себе значительный конфликтный потенциал. Устойчивая приверженность воплощать образцы толкования прошлого в мемориалах в интернациональных пространствах также демонстрирует амбивалентный эффект, приводя к багателизации травматического опыта, перетолкованию изначальных значений памятников или их намеренному демонтажу. Перспективным продолжением разработки научной проблемы репрезентаций прошлого в международном измерении видится анализ других типов международных публичных пространств. В качестве таковых мы можем, к примеру, воспринимать спортивные мега-события, фестивали культуры и выставки, в рамках которых на внешнюю аудиторию транслируются заданные репрезентации прошлого.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Ассман А. Существует ли глобальная память о Холокосте? Расширение и границы нового сообщества памяти // *Историческая экспертиза*. 2017. № 4. С. 9–30.

Борозняк А.И. Искупление: Нужен ли России германский опыт преодоления тоталитарного прошлого. М.: ПИК, 1999. 288 с.

Гужев В. Челябинск предостерег Самару от ошибки с белочехами. 4 сентября 2017. URL: <https://regnum.ru/news/2317076.html> (дата обращения – 10 июня 2019 г.).

Гуща С. Президент Мексики требует от Испании и Ватикана извинений за Конкисту. 26 марта 2019. URL: <https://www.dw.com/ru/%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B7%D0%B8>

%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D1%82-%D0%BC%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B8%D0%BA%D0%B8-%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%B1%D1%83%D0%B5%D1%82-%D0%BE%D1%82-%D0%B8%D1%81%D0%BF%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B8-%D0%B8-%D0%B2%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D0%BD%D0%B0-%D0%B8%D0%B7%D0%B2%D0%B8%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B9-%D0%B7%D0%B0-%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BA%D0%B8%D1%81%D1%82%D1%83/a-48062158 (дата обращения – 10 июня 2019 г.).

Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Принята резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения – 10 июня 2019 г.).

Миллер А. Европейские войны памяти: кто взорвал консенсус истории и чем за это заплатит // *Новая газета*. 01 июня 2015. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2015/06/01/64370-evropeyskie-voyny-pamyati-kto-vzorval-konsensus-istorii-i-chem-za-eto-zaplatit> (дата обращения – 10 июня 2019 г.).

Миллер А. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти. «Секьюритизация памяти»: историческая вина в руках политических антрепренеров // *Полития*. 2016. № 1(80). С. 111–121.

Нагорная О.С. «Нужно передать в дар ряд картин...»: повороты советской культурной дипломатии в периоды кризисов социалистического лагеря 1950–1960-х гг. // *Ab Imperio*. 2017. № 2. С. 123–143.

Основные принципы и руководящие положения, касающиеся права на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьезных нарушений международного гуманитарного права. Приняты резолюцией 60/147 Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 2005 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/principles_right_to_remedy.shtml (дата обращения – 10 июня 2019 г.).

Пахалюк К. 1914–2017: Первая мировая война в пространстве культурной памяти современной России. Незабываемая «забытая» война // *Гефтер*. 02 октября 2017. URL: <http://gefter.ru/archive/22877> (дата обращения – 10 июня 2019 г.).

Премьер Польши не поедет в Израиль из-за скандала вокруг слов Нетаньяху // *РИА Новости*. 18 сентября 2019. <https://ria.ru/20190218/1550999282.html> (дата обращения – 10 июня 2019 г.).

Суд в Литве приговорил экс-министра обороны СССР к десяти годам тюрьмы // *РИА Новости*. 27 марта 2019. URL: <https://ria.ru/20190327/1552163972.html> (дата обращения – 10 июня 2019 г.).

Юрайт У. Поколение и память. Концептуальные размышления о поколенческих аспектах процессов воспоминаний и самотематизации // *«Работа над прошлым». XX век в памяти и коммуникации послевоенных поколений Германии и России* / Под ред. О.С. Нагорной и др. Челябинск: Каменный пояс, 2014. С. 14–27.

Яжборовская И.С. Катынское дело: на пути к правде // *Вопросы истории*. 2011. № 5. С. 22–35.

Gedenkstaette Hartmannsweilerkopf. URL: <http://www.bundespraesident.de/SharedDocs/Reden/DE/Joachim-Gauck/Reden/2014/08/140803-Gedenken-Hartmannsweilerkopf.html> (дата обращения – 10 июня 2019 г.).

Kern S. Muslims Angry Over Spanish Citizenship for Jews. URL: <https://www.gatestoneinstitute.org/3509/spanish-citizenship-jews> (дата обращения – 10 июня 2019 г.).

Koustova E. In Search of a Lost War: World War I in the Russian Memory and Historic Policies // *Note from the Observatoire franco-russe*. 2014. № 7. Pp. 1–19.

REFERENCES

Assman A. Sushchestvuet li global'naya pamyat' o Holokoste? Rasshirenije i granicy novogo soobshchestva pamyati [Is there a global memory of the Holocaust? The expansion and boundaries of the new memory community], in *Istoricheskaya ekspertiza*. 2017. № 4. Pp. 9–30 (in Russian).

Boroznyak A.I. *Iskuplenie: Nuzhen li Rossii germanskii opyt preodoleniya totalitarnogo proshlogo* [Atonement: Does Russia Need German Experience of Overcoming the Totalitarian Past]. М.: PIK, 1999. 288 p. (in Russian).

Guzhev V. *Chelyabinsk predostereg Samaru ot oshibki s belochekhami* [Chelyabinsk has warned Samara against a mistake with white-Czechs]. 4.09.2017. Available at: <https://regnum.ru/news/2317076.html> (accessed 10 June 2019).

Gushcha S. *Prezident Meksiki trebuet ot Ispanii i Vatikana izvinenii za Konkistu* [Mexican president demands apology for Conquista from Spain and Vatican]. 26.03.2019. Available at: <https://www.dw.com/ru/%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B7%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D1%82-%D0%BC%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B8%D0%BA%D0%B8-%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%B1%D1%83%D0%B5%D1%82-%D0%BE%D1%82-%D0%B8%D1%81%D0%BF%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B8-%D0%B2%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D0%BD%D0%B0-%D0%B8%D0%B7%D0%B2%D0%B8%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B9-%D0%B7%D0%B0-%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BA%D0%B8%D1%81%D1%82%D1%83/a-48062158> (accessed 10 June 2019).

Konventsija o preduprezhdenii prestupleniya genotsida i nakazanii za nego. [Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide] Prinyata rezolyutsiei 260 (III) General'noi Assamblei OON ot 9 dekabrya 1948 goda. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (accessed 10 June 2019).

Miller A. Evropeiskie voyny pamyati: kto vzorval konsensus istorii i chem za eto zaplatit [European memory wars: who blew up the consensus of history and what it will pay for], in *Novaya gazeta*. 01.06.2015. Available at: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2015/06/01/64370-evropeyskie-voyny-pamyati-kto-vzorval-konsensus-istorii-i-chem-za-eto-zaplatit> (accessed 10 June 2019).

Miller A. Politika pamyati v postkommunisticheskoj Evrope i ee vozdeistvie na evropeiskuyu kul'turu pamyati. "Sek'yuritizatsiya pamyati": istoricheskaya vina v rukakh

politicheskikh antreprenеров [The politics of memory in post-communist Europe and its impact on the European culture of memory. "Securitization of memory": historical guilt in the hands of political entrepreneurs], in *Politiya*. 2016. № 1(80). Pp. 111–121 (in Russian).

Nagornaya O.S. "Nuzhno peredat' v dar ryad kartin...": povoroty sovetskoj kul'turnoj diplomatii v periody krizisov sotsialisticheskogo lagerya 1950–1960-kh gg. ["A number of paintings need to be donated ...": the turns of Soviet cultural diplomacy during the crises of the socialist camp of the 1950s and 1960s], in *Ab imperio*. 2017. № 2. Pp. 123–143 (in Russian).

Osnovnye printsipy i rukovodyashchie polozeniya, kasayushchiesya prava na pravovuyu zashchitu i vozmeshchenie ushcherba dlya zhertv grubyx narushenij mezhdunarodnykh norm v oblasti prav cheloveka i ser'eznykh narushenij mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava. Prinyaty rezolyutsiei 60/147 General'noi Assamblei ot 16 dekabrya 2005 goda. [Basic principles and guidelines on the right to legal protection and redress for victims of gross violations of international human rights law and serious violations of international humanitarian law]. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/principles_right_to_remedy.shtml (accessed 10 June 2019).

Pakhalyuk K. 1914–2017: Pervaya mirovaya voina v prostranstve kul'turnoj pamyati sovremennoj Rossii. Nezabytaya "zabytaya" voina [1914–2017: The First World War in the cultural memory of modern Russia. Unforgettable "forgotten war"], in *Gefter*. 02.10.2017. Available at: <http://gefter.ru/archive/22877> (accessed 10 June 2019).

Prem'er Pol'shi ne poedet v Izrail' iz-za skandala vokrug slov Netan'yakhu [Poland's prime minister will not go to Israel because of scandal over Netanyahu's words], in *RIA Novosti*. 18.02.2019. Available at: <https://ria.ru/20190218/1550999282.html> (accessed 10 June 2019).

Sud v Litve prigovoril eks-ministra oborony SSSR k desyati godam tyur'my [A court in Lithuania sentenced the former Minister of Defense of the USSR to ten years in prison], in *RIA Novosti*. 27.03.2019. Available at: <https://ria.ru/20190327/1552163972.html> (accessed 10 June 2019).

Yurajt U. Pokolenie i pamyat'. Konceptual'nye razmyshlenie o pokolencheskikh aspektah processov vospominanij i samotematizacii [Generation and memory. Conceptual Reflection on the Generational Aspects of the Processes of Remembrance and Self-Tomatization], in *"Rabota nad proshlym". XX vek v pamyati i kommunikacii poslevoennyh pokolenij Germanii i Rossii* / ed. O.S. Nagornoj i dr. Chelyabinsk: Kamennyj poyas, 2014. Pp. 14–27 (in Russian).

Yazhborovskaya I.S. Katynskoe delo: na puti k pravde [Katyn case: on the way to the truth], in *Voprosy istorii*. 2011. № 5. Pp. 22–35 (in Russian).

Gedenkstaette Hartmannsweilerkopf. Available at: <http://www.bundespraesident.de/SharedDocs/Reden/DE/Joachim-Gauck/Reden/2014/08/140803-Gedenken-Hartmannsweilerkopf.html> (accessed 10 June 2019).

Kern S. *Muslims Angry Over Spanish Citizenship for Jews*. Available at: <https://www.gatestoneinstitute.org/3509/spanish-citizenship-jews> (accessed 10 June 2019).

Koustova E. In Search of a Lost War: World War I in the Russian Memory and Historic Policies, in *Note from the Observatoire franco-russe*. 2014. № 7. Pp. 1–19.